

Л. М. ИВШИН (Ижевск)

О РУКОПИСНОМ УДМУРТСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ 1816 ГОДА

Abstract. On a Manuscript of the Udmurt-Russian Dictionary of 1816

In the manuscript Dictionary of the Votyak Language compiled by priest Stepan Sidorov in the Votyak village of Jelovo in October 1816 there is a list of about one thousand words. The lexical material of the manuscript is quite similar and at times analogous to that of the Grammar of the Votyak Language published in 1775 in Kazan. The graphic system and elements of spelling used in the dictionary are also identical with the graphics and spelling principles of that first grammar of Udmurt.

Keywords: Udmurt, history of literary language, dictionaries, spelling.

Удмуртское письменное наследие XVIII—XIX вв. до настоящего времени остается не в полной степени изученным. По подсчетам некоторых ученых, до революции 1917 года было издано около 400 названий книг на удмуртском языке или с обильным использованием материалов на удмуртском языке (Каракулов 1994 : 12; 1997 : 33; 2004 : 530). О количестве неизданных рукописных работ никаких сведений не имеется, так как фронтального изучения памятников удмуртской письменности еще не проводилось. Это, скорее всего, объясняется тем, что некоторые издания или рукописные работы безвозвратно погибли при разных обстоятельствах, многие другие, сохранившиеся в единичных экземплярах в фондах различных библиотек и архивов, особенно это касается рукописей, еще недостаточно изучены или вовсе не обнаружены.

В данной работе мы остановимся на характеристике одного рукописного словаря, который еще не находил должного отражения в литературе. Краткое описание данного лексикографического труда было проведено в свое время удмуртскими лингвистами (Каракулов 1987 : 36—38; Тараканов 1958 : 35—36). Фотокопия рукописи под названием «Wörterbuch der Wotjakischen Sprache. Gesamelt von dem Popen Stepan Sidorow in dem Wotjakischen Dorfe Jelova, im Gouvernement Wjatka. Im oktober 1816. Mit Bemerkungen von dem Prof. Zeplin in Kasan» или в переводе на русский язык «Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотяцкой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 г. С примечаниями профессора Цеплина в Казани» хранится в Научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (фонд РФ, опись 2-Н, дело № 659). Интересующая нас рукопись состоит из 38 листов-фотокопий, заполненных с одной стороны. Весь лексический материал на листах расположен в 4 столбцах: в первом и третьем даны удмуртские слова, во втором и четвертом — их русские переводы. Над удмуртскими словами проставлено ударение. Всего в словаре начитывается около 1000 удмуртских слов с переводом

на русский язык. Внизу некоторых страниц даны сноски, где приводится какое-либо удмуртское слово с переводом на немецкий язык или с пометой татарское.

Необходимо сразу же отметить, что лексический материал рукописи очень близок, а в отдельных случаях аналогичен лексике изданной в 1775 году в Казани первой удмуртской грамматики (Сочинения 1775). Слова также распределены по главам: о человеке, о земле, о земледелии и т. д. Всего в рукописи выделено 16 глав. Имя прилагательное и глагол выделены в отдельные главы, но их нумерация не проставлена. В главе «О именах прилагательных» перед списком прилагательных отмечается, что «имена прилагательныя у Вотяковъ, когда стоять напереди своихъ существительныхъ, не склоняются; когда же стоять позади ихъ или безъ нихъ, тогда склоняются какъ имена существительныя» (с. 17). Данное изречение является очень ценным, так как до этого времени ни в опубликованной первой грамматике удмуртского языка, ни в составленной чуть позже и оставшейся на долгое время (более 200 лет) в рукописи грамматики удмуртского языка Михаила Могилына в аналогичных главах это не отмечается: «имена прилагательныя у Вотяковъ чрезъ падежи въ обѣихъ числахъ не склоняются» (Сочинения 1775 : 36); «есть ли сущ. остается въ недоразумѣнни, то вмѣсто его принуждено прилагат. склоняются. Напр. *дцецьсэ шетти*, хорошую изловиль; *доразумѣвается, чорыгзе, рыбу*» (Могилыня 1998 : 152). Таким образом, о склонении препозитивных или постпозитивных прилагательных впервые отмечается в рассматриваемой нами рукописи, и отмечается верно. В исследуемом памятнике, в отличие от грамматики 1775 года, отсутствуют главы, посвященные наречию, междометию и предлогу. Если в грамматике «Сочинения принадлежащія къ грамматикъ вотскаго языка» приведено 320 глаголов, то в исследуемом памятнике зафиксированы только 163 слова.

Особенности графики

Графическая система памятника тоже очень близка к графике первой грамматики удмуртского языка. В словаре встречается много ошибочных (неточных) написаний слов. Например, во многих местах вместо ожидаемой буквы *м* встречаем *к*: *бадзикъ муртъ*¹ [bažžyk turt] 'господинъ' (4)² вместо *бадзимъ муртъ, сюлэкъ* [šulek] 'сердце' вместо *сюлэмъ, кужикъ* [kužik] 'сила' вместо *кужимъ, музьекъ* [muzjek] 'земля' (6) вместо *музьемъ, урь кырекъ* [ur kɨrek] 'ровъ' (7) вместо *урь кыремъ, цюжьекъ* [šičžjek] 'солодъ' (9) вместо *цюжьемъ, арлакъ* [arlak] 'кротъ' (12) вместо *арламъ* и др.

1. Для обозначения неогубленного гласного среднего подъема среднего ряда *ö* [ɛ] использованы следующие четыре буквы:

а) *е* (в большинстве случаев): *песъ* [pɛs] 'жаръ', *бердонъ* [berdon] 'плачь' (2), *седъ* [šɛd] 'черный' (6), *неки* [nɛki] 'сметана' (7), *цежъ* [čɛž] 'утка' (11);

б) *э* (в десятке слов): *бэлякъ* [bɛlak] 'сосѣдъ' (4), *кэй* [kɛj] 'сало' (5), *кэтъ* [kɛt] 'брюхо' (6);

в) *о* (в единичных случаях): *синъ тоди* [šin tedɨ] 'белокъ' (5), *поськи* [pɔški ~ poški] 'болячка' (6);

г) *а* (в одном единственном слове): *арекцянь* [ɛrekčan] 'обманъ' (4).

2. Начальный *ы* [ɨ] регулярно передается буквой *и*: *имъ* [im] 'ротъ', *имдоръ* [imdor] 'губа' (5), *ибылыськонъ узвесь* [ɨbɨljškon uzves] 'свинецъ' (6), *игы* [igɨ] 'филинъ', *ижъ* [iž] 'овца'.

3. Начальный *й* [j] в большинстве случаев обозначается *ї* или *і*: *іе* [je] 'градъ' (2), *їуръ* [jɨr] 'голова', *їуръ-серъ* [jɨrsɛr] 'затылок', *їуръ-си* [jɨrsi] 'волось' (5), *їэгуть* [je-git] 'молодой' (18). Однако встречаются слова, в которых ожидаемые латинские

¹ Примеры приводятся в графике и орфографии рукописи словаря.

² Здесь и далее в скобках даются номера листов фотокопии словаря.

буквы отсутствуют: *езора* [jezora] 'изморозь' (2), *пль* ~ *эль* [jel] 'молоко' (8, 12), *егитлуиско* [jegitluisko] 'молодью' (23).

4. Звук *o* после палатальных аффрикат *č* [č] и *ž* [ž] (в словаре *ц* и *дз*) обозначается сочетанием *i* и *o* со знаком каморы сверху (*iô*): *дзидзь* [žioz] 'сверчок', *кузид* [kužo] 'хозяин' (13), *муцид* [mučō] 'баня' (16), *дысид-куто* [djšo-kuto ~ dišo-kuto] 'одежный' (17), *силид* [sil'ō] 'мясистый' (18).

5. В обозначении удмуртских аффрикат прослеживается некая последовательность. Буквосочетание *дж* используется для передачи велярного звонкого *ž* [ž]: *джомыть* [žomjt] 'сумерки' (2), *джужыть* [žužjt] 'высокий' (18). Палатальная звонкая аффриката *ž* [ž] перед йотированными буквами и *и* обозначена двойкой: буквой *з* и сочетанием *дз* (в единичных случаях): *зязекъ тылы* [žazek tjlj] 'перо гусиное', *зюць-губи* [žuč' gubi] 'гриб' (7), *кеньзаль* [keňžal] 'ящерица' (10). Для обозначения велярного глухого *č* [č] регулярно использована буква *ч*: *чукъ* [čuk] 'утро' (2), *чогокый* [čogokij] 'ужь', *пычь* [pjč] 'блоха' (10), *кочо* [kočo] 'сорока', *чана* [čana] 'галка', *учу* [uču] 'соловей' (11). Палатальная глухая аффриката *č* [č] без исключений передается *ц*: *цеберъ испай* [čeber ispai] 'красота' (3), *арекциянь* [grekčan] 'обмань' (4), *цирты* [čirtj] 'шея' (5), *цини* [činj] 'палець' (6), *цецегъ* [čec'eg] 'синица' (11).

Орфография

Некоторые специалисты по истории языков сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Так, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, исследуя древненемецкие памятники, отмечают: «Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдем в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца» (Зиндер, Строева 1965 : 26). Таким образом, орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не было. Не было ее, возможно, и в ранних памятниках удмуртской письменности. Но несмотря на это, определенная система написания слов в них уже налично, а значит имеются несформулированные правила (элементы) правописания.

Из элементов орфографии словаря следующие заслуживают внимания.

1. Несвойственное русскому языку сочетание палатальный согласный + *ы* не нашло отражения и в написании удмуртских слов. Оно регулярно передается сочетанием согласный + *и*: *сизиль* [sižjl] 'осень' (2), *бадзимъ визъ* [bažžjm viž] 'великий постъ', *кузимъ* [kužim] 'подарок' (3), *дасъ-кони* [das-konj] 'гривна' (7), *юрмули* [jurtulj] 'клюква', *мылимъ* [mjljm] 'блинь' (9).

2. Также несвойственные русскому языку сочетания *жы*, *шы* при написании удмуртских слов передаются сочетаниями *жи*, *ши*: *мыжикъ* [mjžjk] 'кулакъ' (5), *кужикъ* [kužjm] 'сила' (6), *кежи* [kežj] 'горохъ' (8), *пужикъ* [pužjm] 'сосна', *ширь пи* [šjr pi] 'мышенокъ' (10).

3. Интервокальное сочетание *-ий-* передается *i*: *кيارъ* [kijar] 'огурецъ' (8), *сионъ* [šijon] 'пицца' (9), *кионъ* [kijon] 'волкъ' (12), *пiала* [rijala] 'стекло' (13).

4. Для обозначения велярности конечных согласных, а также иногда согласных середины слова (в основном в сложных словах) используется *ь* (ер): *вупортэть* [vuportet] 'водоворотъ', *пыжьберъ* [pjžber] 'корма', *лульгажамъ* [lulgažam] 'душевный' (17), *берень бертэмъ* [beren bertem] 'возвратный', *кэтьтырь* [kettjr] 'сытый' (18), *кулонъ* [kulon] 'смертный', *шонэръ* [šoner] 'праведный, прямой' (19).

Таким образом, исследуемый памятник удмуртской письменности, составленный в 1816 году, по структуре и способам фиксации материала очень близок к первой удмуртской грамматике (Сочинения 1775).

Диалектные особенности

Судя по названию рукописи, словарный материал был собран в деревне Елово бывшего Глазовского уезда Вятской губернии. Значит, можно предположить, что в нем зафиксированы особенности северного диалекта удмуртского языка. Однако лексический материал данного словаря очень близок, а в отдельных случаях аналогичен лексике изданной в Казани удмуртской грамматики (Сочинения 1775). Таким образом, мы можем заключить, что в этом лексикографическом труде отражены особенности различных диалектов, как и в первой грамматике удмуртского языка.

1. В материалах словаря очень широко представлена лабиальная дистантная прогрессивная ассимиляция гласных: *гудури* [guduri] 'громь', *тулусь* [tulus] 'вѣсна', *лумишурь* [lumšur] 'полдни' (2), *турунь* [turun] 'сѣно' (7), *кулю* [kul'u] 'шишка', *сусу пу* [susupu] 'можжевелик' (10), *пуну* [punu] 'песь' (13). Это явление характерно для северного наречия удмуртского языка. Интересно заметить, что в настоящее время оно широко представлено в первой грамматике удмуртского языка (Сочинения 1775), а также в более поздних рукописях вотско-русского словаря З. Кротова (Кротовъ 1775) и грамматики М. Могилына (Могилинъ 1998). Не с традицией ли мы имеем дело в этом случае?

2. Имеет место сокращение инлаутных (корневых) консонантных групп типа *-ртт-* и *-рч-* в *-рт-* и *-рч-*: *мертемь пу* [mertem pu] 'садъ' (12), *циркемь* [čirkem] 'быстрый', *орцитъ лекъ* [orčyt lek] 'злѣйшій' (19), *вертасько* [vertaško] 'шатаю' (21), *курцисько* [kurčisko] 'кусаю' (22), *куэме кертисько* [kujeme kertisko] 'подвязываюсь' (23). Данное фонетическое явление к настоящему времени более последовательно встречается в кукморском и шошминском говорах и в бесермянском наречии, менее последовательно — в бавлинском, красноуфимском говорах и отдельных населенных пунктах Ярского района (Кельмаков 2004 : 35).

3. В некоторых словах встречается носовой согласный *ŋ*, характерный в основном для южноудмуртского диалектного ареала: *сэрегъ пунь* [sereg puŋ] 'головня' (14), *пуртлень банызь* [purtlen baŋiz] 'вострие' (15).

4. Суффикс глаголов I спряжения в 1-м лице ед. ч. встречается как с *ы-*овой, так и *и-*овой огласовкой: *сылысько* [silyško] 'стою', *тодысько* [todyško] 'знаю', *нылысько* [nylyško] 'глотаю', *лэзисько* [leziško] 'отпускаю', *шуисько* [šuiško] 'сказываю, говорю', *лыдзисько* [lydžiško] 'читаю', *кылисько* [kilyško] 'остаюсь' (20), *юрдысько* [jurdyško] 'гнушаюсь, брезгаю' (21).

О лексике словаря

В рассматриваемой нами рукописи словаря отражена общеудмуртская лексика различного семантического характера: названия предметов, живых существ (животных, птиц, насекомых), явлений природы, орудий труда, способов, разных приемов, относящихся к ведению хозяйства человека и т. д. Часть слов, вне сомнения, употребляется только в северноудмуртской диалектной зоне: *муми* [muti] 'мать' (3), сев. *мумы* 'мать, мама, мамочка, родительница' (Борисов 1991 : 186); *саникъ* [sanik] 'вилы' (8), юж. *саник* 'вилы, болезнь, чирей' (Борисов 1991 : 249); *кумызь* [kumjz] 'чеснокъ', сев. *кумызь* 'чеснок' (Борисов 1991 : 150); *эбекъ* [ebek] 'лягушка' (11), сев. *эбек* 'лягушка, жаба' (там же, 386); *дынь* [dijn] 'дворь', сев., ср. *дйне* 'домой к тебе, к себе на дом' (Борисов 1991 : 86); *ораськысько* [oraškiško] 'браню' (21), сев. *ораськыны* 'пробирать, укорять, ругаться' (Борисов 1991 : 208).

К южноудмуртской диалектной лексике относятся такие слова, как *ясныкъ* [jasnyk] 'чечевица' (8), юж. *ясник* 'чечевица' (Борисов 1991 : 370); *кяръ* [kijar] 'огурец' (8), юж. *кяръ* 'огурец' (Борисов 1991 : 134); *каунъ* [kaun] 'тыква' (8), юж. *каун* 'тыква' (Борисов 1991 : 127); *ульмо пу* [ulmori] 'яблонь (точнее: яблоня — Л. И.)' (10),

юж. *улмо* 'яблоко' (Борисов 1991 : 302); *мый* [mj] 'бобр' (12), юж. *мый* 'бобр' (Борисов 1991 : 190); *ворсань* [vorsan] 'запорь' (13), юж. *ворсаны* 'запереть, затворить' (Борисов 1991 : 61); *альдасько* [aldaško] 'искушаю' (20), юж. *алдан* 'обман' (Борисов 1991 : 13).

Address:

L. M. Ivšin

Institute of the Udmurt History, Language and Literature

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Сокращения

сев. — северное наречие удмуртского языка; **ср.** — срединные говоры удмуртского языка; **юж.** — южное наречие удмуртского языка.

Сочинения 1775 — Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. — Первая научная грамматика удмуртского языка, Ижевск.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов Т. К. 1991, Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь, Ижевск.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В. 1965, Историческая фонетика немецкого языка. Пособие для студентов педагогических институтов, Москва—Ленинград.
- Каракулов Б. И. 1994, К проблеме изучения памятников удмуртской письменности дооктябрьского периода. — Духовная культура. Проблема и тенденции развития. Тезисы докладов Всероссийской научной конференция, Сыктывкар (Филология II. Русская литература), 10—12.
- 1997, Роль переводов евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка. — Духовная культура финно-угорских народов. История и проблемы развития. Материалы международной научной конференции (Глазов, 19—21 ноября 1997 года). I. Языкознание. Фольклор и литературное краеведение, Глазов (Библиотека — книга — читатель), 3—8.
- 2004, Еще раз о вопросе строительства удмуртского литературного языка в 30-е годы XX века или забытая страница истории удмуртской лингвистики. — *Permiek, finnek, magyarok. Írások Szij Enikő 60. születésnapjára*, Budapest (Uralistikai Tanulmányok 14), 528—536.
- Кельмаков В. К. 2004, Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания, Ижевск.
- Кротов З. 1995, Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Елавскаго Троицкой церкви священникомъ Захариіею Кротовымъ. 1785 года. — З. Кротов, Удмуртско-русский словарь, Ижевск (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие. Памятники удмуртской филологии 1).
- Могилінъ М. 1998, Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики, Ижевск (Памятники культуры. Лингвистическое наследие).
- Тараканов И. В. 1958, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Канд. дисс., Тарту.